

Послание к Римлянам

[Извлечения из текста]

Великая негативная возможность

12:21-13:7

Не будь побежден злом, но побеждай в добре зло! Каждый да подчиняется правящим ныне властям. Ибо нет власти не от Бога, и существующие ныне власти поставлены Богом. Восстающий против власти противостоит установлению Бога. Непокорные же сами навлекают на себя суд. Ибо власть имущие не страшны для благого дела, но для злого. Итак, если ты желаешь не бояться власти, то делай добро и ты еще будешь иметь одобрение у нее. Ибо она — служанка Божья для твоего блага. Если же ты творишь зло, то бойся; ибо она носит меч не для видимости. Она — служанка Божья, изливающая гнев на творящего зло. Необходимо подчиняться не из-за гнева, но по совести. Поэтому вы платите налоги: они (власть имущие) — священники Божьи, властвующие для этой единой цели. Дайте им всем то, что вы должны, налог к налогу, пошлину к пошлине, страх к страху, честь — тому, кому подобает честь.

Мы должны поговорить о существующих порядках человеческой общественной жизни и о том, что нерушимость этих порядков должна быть великой демонстрацией за порядок грядущего мира. Говоря все это, мы вступаем в очень спорную область. Здесь не будет лишним предупреждение, обращенное ко всем интересующимся вопросами современности и прежде всего ко всем падким на сенсации: если они вообще хотят читать эту книгу, то ее чтение им следует начинать не здесь. Ибо тот, кто не понимает нас в целом, здесь поймет меньше всего, почему мы говорим именно это, не больше и не меньше.

Вся проблема скрытого Единого в другом, с которой мы в последний раз встретились в ее самой заостренной форме в понятии «врага», концентрируется в факте существования этих человеческих порядков. Момент воспоминания о Боге всегда вечен лишь как характеристика какого-то

*) Текст любезно предоставлен издательством ББИ. Публикуется по: Карл Барт. Послание к Римлянам. — М.: ББИ, 2016. — С. 459-475. Перевод: Владимира Хулапа.

момента, чего-то предшествующего и последующего во времени. Этический кризис нашего бытия абсолютен всегда только в связи с еще не «прекращенным» или более не «прекращаемым» действием. Открытие Единого в другом может произойти всегда лишь в целиком определенном другом, в конкретном множестве отдельных личностей, данных этому отдельному человеку как великая загадка, которую необходимо этически разрешить. «Обновление мышления» (12:2), критическая реви-зия, которой мы подвергаем наше действие в перспективе его соотноше-ния с источником в Боге, осмысливая мысль вечности, сразу же натал-кивается на удивительный факт уже происшедшей характеристики времени, уже существующей соотнесенности человеческого действия с абсолютом, уже имеющихся множеств, утверждающих, что они — это разгадка загадки Единого. Оно наталкивается на огромное число этичес-ких данностей, причем не только на более или менее суматошные экспе-рименты отдельного человека, но и на кажущиеся находящимися по ту сторону любой случайности и произвола, лежащие в сфере более высо-кой объективности, грандиозные позиции государства, права, церкви, общества, в которых граничащее с совокупностью множество отдельных личностей претендует на то, что оно уже знает ответ на этический воп-рос: что нам делать? Очень живо, опираясь на самые очевидные аргу-менты, эти данности утверждают, что они — не просто данности, но и решение, порядок и направление человеческого действия, искать кото-рые нам более не следует. Они требуют признания и послушания, и мы должны задаться вопросом, желаем ли мы дать им требуемое или отка-зать им в нем. Если мы избираем первое, то мы, очевидно, избираем принцип легитимности. Если мы выбираем второе, то мы, очевидно, выбираем принцип революции. Но мы выбираем как демонстрацию к славе Божьей не первое, как желают рвущиеся вперед или, напротив (ибо здесь все с самого начала представляют одну сторону), контррево-люционные читатели этого текста, и не второе, что некоторые другие читатели Послания к Римлянам тайно хотели бы найти в этом месте, но (сейчас мы покажем, почему) отрицание последнего. Мы говорим: не-революция! Тем самым мы *implicite* (лат. скрыто. — *Прим. пер.*) сказали не-легитимность; у нас есть основания для того, чтобы не говорить это *explicite* (лат. явно. — *Прим. пер.*).

Великая негативная возможность! Великая потому, что демонстрация здесь должна произойти не только в отдельных установках и действиях по отношению к ближним, но в общей направленности к множествен-ности ближних, граничащей с тотальностью. Негативная потому, что действительно ни «безусловное принятие государства в число нравствен-ных сил» (Юлихер), ни «восхваление божественного истока любой госу-дарственной власти» (Вернле) не есть мотив и смысл этой демонстра-ции, но здесь происходит атака на человека, на его «стремление к высотам» (12:16), на его прометейскую гордость. Нас интересуют не человеческие порядки, не один из этих порядков в его соотношении с совершаемым действием человека, («гражданские обязанности», Юли-

хер), но то, чтобы человек не разрушал эти порядки, то есть его бездействию по отношению к ним. Здесь взят на прицел революционный человек, и у него из рук необходимо выбить принцип революции, только для целей научения, причем без каких бы то ни было материальных интересов и предвзятости! Почему именно революционный человек? Перед лицом осязаемой опасности реакционного человека это в высшей степени оправданный вопрос. Диалектическую машину здесь действительно очень сильно занесло на повороте, и нам нужно приложить максимум усилий, чтобы, следуя дословному содержанию текста, не вылететь в кювет. Потому, отвечаем мы, что маловероятно, чтобы человек на основании Послания к Римлянам стал реакционером. Надменность, угрожающая здесь, это, очевидно, надменность отрицания, смешение (как если бы это беспокойство, этот вопрос, это отрицание, все это подобие смерти, которому действительно христианство отдает решающее предпочтение (12:16), как человеческая позиция, как метод, могли бы оправдать человека), титанизм падения, новшества, переоценки. Можно даже сказать, что революционный титанизм именно потому, что он в своем истоке приближается к истине намного ближе, соответственно намного более опасен и безбожен, чем титанизм реакционный. Итак, реакционный человек представляет собой для нас небольшую опасность, его же «красный брат» — намного большую. Мы остановимся на этой большей опасности, полагая нашу задачу в том, чтобы во славу Божию заковать революционного человека (как особо значительную жертву!).

«Не будь побежден злом, но побеждай в добре зло». Каждый существующий порядок как таковой, еще более основательно, чем «враг» (12:19-20), ставит нас перед вопросом о победе права над бесправием. Ибо какое впечатление существующий порядок может произвести на ищущего порядок Божий, если не впечатление воплощенного торжествующего бесправия — он, существующий, уже найденный порядок? Что он такое, если не новое укрепление и защита человека от Бога, защита нормального течения мира от беспокойства, уготовляемого ему со всех сторон из-за великой сомнительности его предпосылки; заговор многих против Единого, который желает говорить только там, может начинать речь только оттуда, где спокойствие, мудрость и сила многих окончены. Порядок! Что означает существующий порядок? То, что человек снова лицемерно договорился с самим собой. Что он, трус, еще раз спрятался в безопасное место от тайны своего бытия. Что он, глупец, снова выпросил для себя 15 минут отсрочки приведения в исполнение его смертного приговора. Под вопросом находится не низкое качество, не степень развращенности порядка во всех обвинениях, брошенных в его адрес от Откровения Иоанна до Ницше, от анабаптистов до анархистов, но его существование. Тот факт, что человек с самого начала противопоставляет человеку более высокое «право», с самого начала осмеливается в той или иной степени регулировать все свое действие и направлять его в известное русло, что здесь величина, сразу же распознаваемая в своем притязании на право как фикция, окруженная единственно реальным

нимбом власти, требует послушания и жертвы, как если бы она была властью Бога, что здесь множество, условившись, говорит так, как если бы Единый говорил его устами, что здесь меньшинство или большинство (даже если бы это было самое демократичное большинство всех против Единого!) выдвигает претензию на то, чтобы быть сообществом, что здесь в высшей степени случайное соглашение о бесперебойной организации борьбы за существование выдает себя за желаемый и уважаемый всеми мир, вся эта трансцендентность в высшей степени имманентного порядка есть рана, которую каждый, в том числе и лучший, существующий порядок наносит глубочайшему правовому сознанию. Чем более совершенно обнаруживается право, тем более оно проявляется как несправедливость: *summum ius, summa iniuria* (лат. высшее право, высшее бесправие. — *Прим. пер.*). Если бы оно проявилось в форме теократии, в форме высочайшего действия духа, которое идеальная церковь (к примеру, церковь Кальвина, расширенная в улучшенном оформлении до церкви Лиги Наций!) могла бы предоставить вверенным ей народным массам, то и это действительно высшее право было бы высшим бесправием. Эта мечта также обязательно завершается там, где дьявол противостоит Христу и предлагает Ему царства мира сего: у великого инквизитора Достоевского. Человек не имеет права объективно обладать правом по отношению к людям, и чем больше видимость объективности, которой он при этом окружен, тем больше и несправедливость, которую он совершает по отношению к другим. Право Единого ожидает другой. Где и когда право многих было бы правом Единого, где и когда оно скорее не было бы приобретено хитростью и противозаконно захвачено? Какая законность не была бы в своем корне незаконной? Какой авторитет не был бы именно в том, что делает его авторитетом, тиранией? Возможные изъяны всего существующего порядка могут дать лишь повод к познанию того, что все существующее как таковое — зло. В неукротимом стремлении к свободе (при хороших или плохих властях) что-то, возможно, проявляет активность против таких чрезвычайно доброжелательных цепей, которые желали бы возложить на нас «многие». Нечто в нас неслыханно пронизательно распознает те функции, с помощью которых они желают осуществить это наложение оков. В этом познании зла в существующем порядке, зла, существующего в том, что оно существует, пытается родиться революционный человек; это человек, желающий избавиться от зла с помощью того, что он отправляется в путь для победы над ним и его свержения, то есть чтобы устранить существующее право как воплощение несправедливости и создать на его месте новое право. Это сам по себе совершенно очевидный план, от участия в котором мы едва ли можем отказаться, подобно тому, как вражда против «врага» (12:19) и спор с ближним сами по себе представляют собой совершенно понятные процессы. Но именно революционному человеку (само собой разумеется, начинающему не с предосудительного использования кровавой власти, но с первой, самой тайной из этих ядовитых затаенных обид против всего существующего, которым некоторые пре-

даются тем больше, чем больше они ненавидят «власть»!), именно ему необходимо сказать, что он, постигая этот план, уже тем самым «поражается злом». Он забывает, что он — не Единый, не субъект того свободного бытия, которого он жаждет, не Тот, кто так зловеще остро взирал из его глаз, не Христос, противостоящий великому инквизитору, но, наоборот, все еще и именно Великий инквизитор, противостоящий Христу. И он выдвигает притязание, которое не может выдвинуть человек. И он дает проявиться праву. И он выступает как правообладатель по отношению к другим людям. И он узурпирует неподобающее ему положение, легальность, которая в своем корне нелегальна, авторитет, который, как мы ужасно пережили это в большевизме (но мы можем подтвердить это и на примере многих духовных процессов), не надолго замедлит раскрыть свой истинный тиранический характер. Кто из людей имеет право вносить в план «новое», «новое» время, мир или вообще «новый дух» и защищать его? Разве все «новое» не рождено из существующего, поскольку оно может быть создано человеком, и разве вскоре оно снова не есть существующее, поскольку оно создано человеком? Кто из людей, создавая (сам!) «новое», не совершал бы тем самым зло? Разве и то старое, которое он хочет победить, не было создано некогда человеком, и разве именно поэтому оно не есть старое и злое? «Побежден злом» революционер еще больше, чем консерватор, потому что он со своим «нет» так ужасающе близко становится рядом с Богом. В этом заключается его трагичность. Зло — это не ответ на зло. Поврежденное существующим порядком правовое сознание не создается путем разрушения этого порядка. «Побеждай в добре зло!» Что может означать и знаменовать эта оставшаяся возможность, если не конец торжествующего как в существующем порядке, так и в революции человека, и как она может представить себя иначе, если не в загадочном бездействии там, где он, несомненно, чувствует себя наиболее сильно призванным к действию как человек? Революционер ошибся: он имел в виду ту революцию, которая есть невозможная возможность, прощение грехов, воскрешение мертвых. Это ответ на оскорбление, заключающееся во всем существующем как в таковом. Иисус — победитель! Но Он осуществил другую революцию, возможную возможность недовольства, ненависти, неповиновения, восстания и разрушения. Она не лучше, но хуже всего противоположного удовлетворения, сытости, надежности и самонадеянности, поскольку при этом Бог еще лучше понят, и еще хуже Его использовали в преступных целях. Он имеет в виду ту революцию, которая означает созидание истинного порядка, и осуществляет другую революцию, которая есть истинная реакция. (Подобным образом легитимист, со своей стороны побежденный злом, имеет в виду ту легитимность, которая означает разжигание истинной революции, но в действительности защищает другую легитимность, которая есть бунт!) То, что человек делает, всегда есть суд над тем, что он хочет (7:15,19). Если революционер осознает этот суд, то он отбрасывается из видимости его так прекрасно обоснованного, такого справедливого революционного действия

в невидимость действия Бога. Но как он может демонстрировать за это действие Божье, если не путем того, что он как революционный человек умирает в том же самом месте, где он родился, в познании зла, встречающегося ему во всем существующем? Как он может действовать более радикально, если не возвращаясь именно в этом месте к первооснове «бездействия» и таким образом не гневаясь, не нападая, не разрушая? Это возвращение представляет собой этическую составляющую заповеди: побеждай в добре зло. Она не произносит ни слова в пользу всего существующего, но бесконечные слова не в пользу каждого врага существующего порядка. Бог желает быть познанным как победитель над несправедливостью существующего. Это смысл данной заповеди. И это смысл 13-й главы Послания к Римлянам.

«Каждый да подчиняется правящим ныне властям». «Подчинение», какие бы внешние формы оно ни принимало, здесь как этическое понятие чисто негативно. Оно означает шаг назад, уступку, не мятеж и не переворот. Восстание против существующего порядка должно прекратиться, и пусть вообще не будет никакого восстания! Почему бы и нет? Однако это невозможно потому, что битва, в которую человек вовлечен как мятежник, происходит не между ним и «правлящими ныне властями». Здесь разыгрывается борьба зла со злом. Самая радикальная революция может противопоставить существующему лишь существующее. И самая радикальная революция — это только мятеж, причем это верно и в отношении так называемых «духовных» или «мирных» революций. Самая радикальная революция — это лишь оправдание и усиление существующего порядка вещей. Ибо вся относительная правота существующего только подтверждается относительной неправотой революции в случае ее победы, в то время как относительная правота революции в случае ее победы ни в коем случае не подтверждается относительной неправотой существующего. Подобным образом и сила сопротивления существующего никоим образом не разрушается победоносным наступлением революции, но лишь подавляется, сжимается, вынуждается к существованию в других формах и тем самым делается еще более опасной, в то время как победа революции может лишь сделать революционную энергию расплывчатой и безопасной. Никоим образом в результате действий мятежников революция не становится судом над существующим, хотя она в действительности должна быть им. Та борьба, в которую неосмотрительно ввергается мятежник, есть борьба между порядком Бога и существующим порядком. Если он решается взывать непосредственно к порядку Бога, то «он уверенно и отважно восходит на небо и низводит на землю свои вечные права, парящие наверху постоянно и нерушимо, как звезды» (Шиллер). Он тем самым доказывает верность замечательной мысли «власть тирана имеет границы», однако его спокойное стремление на небо никоим образом не может провести эти границы. Ибо если бы он обладал высшей правотой перед судом истории, то он тем самым был бы в высшей степени не прав перед судом Бога. Он лишь подтверждает вывод: «Древний природный порядок воспроизводится каждый раз там,

где человек противостоит человеку». Вопрос, суждение, суд Бога, которым подлежит все существующее, необходимым образом приостанавливаются и становятся недейственными, если человек действует вместо Него. Мятежник именно в своем мятеже становится на сторону существующего, как раз поэтому он должен прекратить этот мятеж; не должно быть никакого восстания. Обозначим существующий порядок государства, церкви, права, общества, семьи и т. д. в их совокупности как

$$(a b c d)$$

Далее представим их уничтожение изначальным порядком Божиим как минус перед скобками, который противостоит их совокупности:

$$-(+a+b+c+d)$$

Отсюда ясно, что любая революция, даже самая радикальная, будучи историческим действием, никогда не может рассматриваться как этот уничтожающий совокупность человеческих порядков божественный минус перед скобками. Возможно, она представляет собой в лучшем случае удачную попытку уничтожить человеческий плюс, который существующий порядок имеет внутри скобок как существующий порядок. Тогда появляется следующая картина:

$$-(-a-b-c-d)$$

Здесь нельзя не заметить, что великий божественный минус перед скобками может, к нашему удивлению, снова превратить самовольно и революционно предвосхищенные минусы в скобках именно в плюс. Другими словами: принимая во внимание положение вещей между Богом и человеком, все старое бытие в случае революции, после своего падения, вновь воспроизводится в новой, более усиленной форме. Легитимист вычисляет абсолютно неправильно, осознанно приписывая величинам в скобках положительный знак (в таком понимании здесь также скрыто превышение власти, в основательности, в легитимизм-титанизм!). Уничтожающим судом становится именно божественный минус перед скобками всего человеческого сознания, всей принципиальности и неговорчивости, всех принципов и «-измов» как таковых, всех «господств, властей и сил». «Каждый пусть подчиняется!» тем самым означает: каждый должен понять, насколько неправилен человеческий расчет как таковой: мы не можем поставить решающий минус, мы можем только ясно представить себе, насколько все наши плюсы и минусы разрушаются в нем. Однако рекомендованное здесь «подчинение» не есть новый, хитро составленный расчет, с помощью которого человек, торжествуя, снова мог бы выбрать правильное для себя! Конечно, верно положение: не существует никакого более энергичного размывания основ всего существующего, кроме как рекомендованное здесь незаметное и лишнее иллюзий признание существующего. Государство, церковь, общество, позитивное право, семья, настоящая наука и т. д. черпают свои жизненные силы из доверчивости людей, постоянно питаемой воодушевлением проповедников на поле битвы и разнообразным торже-

ственным обманом. Отнимите у них пафос, и они неминуемо умрут от голода! Однако огонь революции, напротив, даст этому пафосу лишь новую пищу. Отсутствие революции — это лучшая подготовка истинной революции. Но это, конечно, не рецепт. «Подчиняться» — в лучшем случае бессмысленное дело; оно может возникнуть только из послушания Богу, его смысл может заключаться только в том, что человек столкнулся с Богом и может только предоставить Ему суд. Действительное начало этого суда не может быть целью этого человека и его тайным расчетом.

Исходя из этого, понятно и следующее положение: **«Ибо нет власти не от Бога, и существующие ныне власти поставлены Богом»**. Однако такое позитивное, утверждающее обоснование существующего порядка мнимо, ибо оно противоречило бы только что изложенному обоснованию слов «каждый пусть подчиняется!». Очевидно, что решающее слово «Бог» не может здесь неожиданно, в отличие от всего остального текста Послания к Римлянам, иметь значение метафизической однозначности и данности. К чему вся дословная верность тексту, если она достигается путем измены Слову? Бог Господь, неведомый, скрытый Бог, Творец и искупитель, избирающий и отвергающий, — это Тот, от Кого всякая «власть», и любая существующая власть поставлена Им. Это означает, что величина «власть», как и все человеческие, временные, вещественные величины, соизмеряется с Богом. Бог — ее начало и конец, ее оправдание и суд, ее «да» и «нет». Если мы занимаем по отношению к ней положение революционера (Послание к Римлянам делает это абсолютно однозначно, непосредственно связывая категорию «власть» с категорией «враг», а также через вступительное слово о преодолении «зла»), то, очевидно, революционный образ мыслей сдерживается соображением, что лишь Бог может быть Тем, по отношению к Кому зло всего существующего — это действительно зло. Только Бог — это великий минус перед скобкой, который может действительно уничтожить все ложные положительные величины в скобках (поэтому человек, романтически воспринимающий все существующее, должен понять, что они могут быть определены в качестве истинных положительных величин только через великий минус Божий). Мы не можем вооружиться меркой Бога и действовать так, как будто бы Бог действует через нас! Революция должна снять романтические розовые очки. Соотнесенное с Богом зло не может быть предметом нашего обвинения (как и соотнесенное с Богом добро — предметом нашего прославления!). Зло существующего порядка вещей, познанное таковым по отношению к Богу, может, очевидно, лишь побудить, в том числе непосредственно задетых и оскорбленных им зрителей, лишь склониться перед Богом, таким чудесным и особенным Богом, высшим над всеми богами. Если Бог — это Судья, то кто захочет судить вместе с Ним? И если Бог — Судья, то разве где-то может не быть справедливости? Где зло не наполнено указанием на добро? Где данность не наполнена связью с неданным, с изначальным? Где существующее не наполнено образом несуществующего? «Ибо сотворенное

было опустошено не по собственной воле, но Подчиняющим в надежде» (8:20). Все существующее низвергается и разрушается именно как существующее. Мы говорим, что из этой идеи исходит революционный человек. Однако он должен помнить, что истинность его взгляда заключается в том, что все существующее низвергается и разрушается перед Богом. Именно это оправдывает все существующее перед ним, революционером, требуя от него не брать в свои руки дело осуждения и преодоления, но придерживаться того взгляда, что как зло оно представляет собой указание на добро, что все существующее, будучи неким порядком, необходимым образом находится в противоречии с единственным порядком, именно в этом противоречии произвольно является его свидетельством и силуэтом: «от Бога» в своем всеобщем бытии и существовании, «поставленное Богом» определенным образом, когда все существующее становится проблемой именно для революционера и именно сейчас. Кризис, в котором с точки зрения Бога пребывает весь существующий порядок, дает нам возможность восставать, ущербную по сравнению с другой возможностью - не восставать. В любом случае этот кризис отнимает у нас пар, пафос, воодушевление, ссылку на «высшее», то есть именно те вещи, которые необходимы для правильного восстания как для «уверенного стремления к небу». «Я созидаю правду» (12:19). Наше «подчинение» признает лишь то, что не мы можем созидать правду, что у божественного минуса перед скобкой нельзя отнять его стремительность с помощью предшествующих отрицаний. (Люди, желающие укрепиться в существующем порядке вещей, должны помнить о том, что для них революция «поставлена» как указывающее на добро зло, чтобы и они существовали без оправдания и без романтики, чтобы и они обратились и не желали бы более поддерживать существующий порядок!)

«Восстающий против власти противостоит установлению Бога. Непокорные же сами навлекают на себя суд». Существует предубеждение, хотя и не в пользу существующего порядка, но против революции. Оно заключается в том, что истинная революция происходит от Бога, а не в результате человеческого восстания. В отличие от мятежника власть являет собой суверенное право божественного восстания. В ней он должен понять, что смысл божественного восстания — это порядок, а не беспорядок. В ней он должен понять, что открытие Единого в другом не может произойти в результате человеческих шагов. В ней он должен упражняться в смирении, без которого его познание зла во всем существующем представляет собой пустую надменность. Если же он делает нечто иное, если он восстает против власти, как если бы он уже нашел Единого в другом, как если бы он был носителем нового творения, то тем самым он недооценивает не столько человеческий авторитет, сколько установление и определение Бога; он не замечает, насколько власть оправдана по отношению к нему в тот самый момент, когда он позволяет себе восстать против нее. Он позволяет себе схватиться за карающий меч судьи, и его нельзя извинить тем, что власть прежде сделала то же самое. Это ее суд, но не его право. Он объективно не прав, даже если он кажет-

ся абсолютно правым. В тот момент, когда он переходит к протесту, необходимо протестовать против него. «Осуждая другого, ты судишь самого себя, осуждая, ты действуешь так же» (2:1). Деятельность мятежника возможна у людей (как возможна, к примеру, деятельность белогвардейца!), но (и для него!) невозможна у Бога. За пределами всего существующего (которое также могло бы быть новым бытием!) находится Бог, Он – Судья и Он – Право! Неповиновение (существует и неповиновение «справа») есть неповиновение по отношению к Нему. Будучи побежденным злом, человек переходит в ту сферу, где зло должно стать судом для зла. В этом случае он, по крайней мере, не должен удивляться своей участи.

«Ибо власть имущие не страшны для благого дела, но для злого. Итак, если ты желаешь не бояться власти, то делай добро и ты еще будешь иметь одобрение у нее. Ибо она – служанка Божья для твоего блага». Именно оскорбленное правовое сознание, воспринимаемое как зло давление «многих» в государстве, церкви и обществе, «страх» перед победоносным превосходством бесправия во всем существующем делает человека революционером. Когда оправдан этот «страх»? Очевидно, лишь в том случае, если наша собственная деятельность осуществляется на одном уровне с деятельностью «власть имущих» и считающих себя правыми, лишь в том случае, если мы противопоставляем злу в мыслях, словах и делах – зло, так называемому авторитету – так называемую свободу, легальности – нелегальность, относительному порядку – относительный беспорядок, «старому» – «новое», крепкому бревну – крепкий топор. На этом основании, на единственно известном нам основании по-человечески видимого действия мы вынуждены, уязвляя и обижая, сами быть уязвимыми и обиженными. Здесь в бесконечном винтообразном движении друг за другом следуют действие и противодействие. Здесь «власть имущие» должны означать для революционера «страх», вечный повод для гнева, возмущения, опасения, ужаса, сопротивления, озлобления (как и он сам – «страх» для власть имущего). Этот «страх» вполне оправдан, ибо он есть не что иное, как ужас человека перед своим собственным злом и, так как зло охватывает все его действие, ужас перед своей собственной действительностью. Этот страх, если его правильно понять, представляет собой ужас человека перед судом Божьим, которому подлежит человек. Эта «божественная» составляющая существующего порядка вещей (но и восстающей против него революции!) приводит на суд Божий все злые действия человека (и какое действие человека не было бы злым?). Для этого «поставлена» власть. Именно поэтому она не страшна для добрых дел. Разве это возможно? Власть имущие не имеют власти там, где совершается добро. Мысли свободны, но совсем иной свободой обладает невидимое действие Единого во всех нас. Такой человек не восстает, ибо против чего ему восставать? Он не творит зла, ибо он не притесняет им. Он не уязвим, ибо он не нападает, не обидчив, ибо не обижает. Его нет там, где зло становится судом для зла, и поэтому он не подлежит власти судьбы. Он – уже осужденный Богом, но именно поэтому уже и оправ-

данный человек, а его «благое дело» может заключаться только в этом его пребывании на вечном основании суда и справедливости. Понятие «благое дело» означает уничтожение субъекта «этот человек» и основание индивидуума в Боге, означает бездействие во всем действии, через которое всякое действие связывается со своим истоком. Для этого благого действия, которое происходит не во времени, власть (или ее падение!) не означает «страха». Напротив, если человек совершает добро, то он свободен от тех конвульсий, которые неизбежно сопровождают битву Прометея против всего существующего (или за него!). Он действительно видит последнее бытие по ту сторону всего того предпоследнего, что он может делать в рамках сферы зла. В этой сфере он становится все более невидимым, неслышимым, лишенным пространственного измерения. Он теряет весь пафос, всю раскованность и непреломленность. Он более не есть гневающийся бог в борьбе с другими богами. Он становится тем, кто он есть. Поэтому он даже получает «одобрение» у «власти». Она, ничего не подозревая, радуется об удивительно спокойном гражданине, наличествующем в том человеке, чья деятельность означает «только» суд Божий, в том человеке, который имеет так много возражений против нее, что он уже более ничего не возражает. Такой человек действительно (молишь иронически!) будет «хорошим гражданином», именно из-за поворота от романтики к рациональности. Ему не нужно постоянно протестовать против идолов, ибо он освободился от идолослужения, не нужно постоянно критиковать несомненную недостаточность всех данных решений, порядков и путей. Он не упускает из виду, что тень суда, которую он видит лежащей над всем, есть тень праведности. Он не упускает из виду ценность свидетельства и образа, которой действительно обладают все попытки очистить человеческое действие. Здесь человеческому произволу произносится вполне определенное «стой!», которое, по крайней мере, напоминает о требуемой от нас жертве «тела» (12:1). Здесь ожидают такого последовательного послушания, которое по меньшей мере имеет некое сходство с послушанием, требуемым благодатью Божьей. Здесь эросу отдельной личности противостоит величие Единого, раздробленному или скатанному в комок множеству — величие сообщества, всеобщей борьбе за существование — величие мира. Такой человек не будет питать иллюзий в отношении принципиальной сомнительности всех этих попыток, в том числе и тогда, когда они, как кажется, вот-вот осуществляются. Он ни в коем случае не будет рассматривать их как ступени, в ряд которых можно было бы поставить добро как полностью удавшуюся попытку. Он будет видеть добро (в противоположность ко всевозможным удачным попыткам) только в несоизмеримом превосходстве Бога, а все эти попытки будет рассматривать как абсолютно негативные (а не просто «несовершенные»!) в противоположность к тому, что, собственно, пытаются осуществить. При всем этом он будет обладать терпением, пронизательностью и юмором (именно критическое размышление позволяет, даже требует от него этого «временного соглашения!»), необходимыми, чтобы распознать эти относительные возможности доб-

ра в среде зла, признать их как контуры Противостоящего и серьезно воспринять их, обдумывать и проводить их в жизнь как практики и представления, от которых нельзя отказаться. Существующий порядок в этом случае является «службой Божиим» (кого это не беспокоит и наказывает, но укрепляет в том, что он прав, для того и революция – «служанка Божья»!) в том смысле, как все данное, однажды познанное в своей абсолютной негативности, начинает светить в позитивности неданного, в позитивности Бога. На место революционной борьбы тогда может встать спокойное размышление о «праве» и «бесправии» (спокойное, ибо последнее утверждение и обвинение более не принимаются во внимание), рассудительное соображение с «действительностью» (имеющее за своими плечами высокомерие войны между добрыми и злыми), действительная гуманность и принадлежность к миру (знающие, что речь не идет о противоречии между царством Бога и антихриста там, где люди осмеливаются вместе с другими людьми или против них осуществлять свои эксперименты в государстве, церкви и обществе, разыгрывая свою странную шахматную партию). К примеру, политика становится возможной начиная с того момента, когда проявляется ее принципиально игровой характер, когда ясно, что не может быть речи об объективном праве, начиная с того момента, когда не терпящий возражений тон исчезает из тезисов и антитезисов, чтобы освободить место для относительно сдержанного или относительно радикального взгляда на человеческие возможности. При этом мы ни на мгновение не должны забывать, что «добро» не есть вещь, которой человек мог бы гордиться даже в случае такой сдержанности, но для нас снова и снова существует лишь вопрос о добре. «Подчинение» лишь тогда служит нашему благу, когда освобождение человеческой общественной жизни от любой романтики, исключение Бога из списка человеческой повестки дня не просто оставляет открытым именно этот вопрос о добре, но с высочайшей настоятельностью ставит его, постоянно делает неизбежным великое отрицание, критическую память о Боге. (Поэтому само собой разумеется, что и контрреволюционеры, которых мы не собираемся здесь оправдывать, имеют повод осмыслить все это и со своей точки зрения.) «Если же ты творишь зло, то бойся; ибо она носит меч не для видимости. Она – служанка Божья, изливающая гнев на творящего зло». Человек вполне может пропустить мимо ушей предостережение против совершения зла, и нам следует честно признать, что мы постоянно не принимаем его во внимание. Каждый шаг, который мы совершаем в этом мире, находится в тени зла. Даже та серьезность, с которой мы творим добро в среде зла, та терпеливая работа в области реформ, к которой мы возвращаемся, отказавшись от революции, не выводит нас из этой тени. Ибо все наше видимое действие необходимым образом совершается либо как утверждение, либо как отрицание существующего порядка вещей, и тем самым мы уже не правы. Мы вообще можем быть правыми только в нашем бездействии по отношению к Богу. Таким образом, речь здесь может идти лишь о констатации того, что все мы действительно переживаем в

этом царстве теней, о призыве не слишком глубоко вторгаться в это царство. В царстве теней зла мы должны бояться. Здесь у нас есть враги, противники, завистники, опасные друзья, ненадежные последователи, злорадные зрители. Здесь нас ожидают неудачи, периоды застоя, препятствия, разочарования, неудачи, провалы, постоянно следующие друг за другом. Здесь происходят разнообразные суды, конфликты, ошибки, замешательства, трагические осложнения. На этой доске нет хода, за которым не следовал бы опасный ответный ход. Нет шага, за который тем или иным образом не отомстили бы. Нет ни одной возможности, которая не заключала бы в себе свою собственную невозможность.

Мы находимся со всем существующим (как друзья или как враги!) на одном основании и подпадаем с ним под один суд. Мы пребываем в каком-то утверждении или отрицании, возможном на этом основании, и мы вынуждены неизбежно поплатиться за то, что все утверждения и отрицания, существующие на этом основании, относительно. Мы штурмуем или защищаем, мы строим или разрушаем, мы воюем или сохраняем мир, мы утверждаем или отрицаем, но всегда нам противостоит последнее «стой!», последняя угрожающая опасность, последнее тяжелейшее наказание за то, что мы — люди. Бог действительно противостоит человеческой атаке (и разве мы когда-нибудь прекращаем ее?), атаке мятежников с «мечом власти» (и атаке легитимистов с «мечом» революции)! Но пребывая в страхе и сострадании, мы должны видеть в их судьбе нашу собственную судьбу. Ведь тем или иным образом гнев Божий изливается на всех нас. Тем или иным образом «меч» обнажен против всех нас, «не для видимости», но чтобы поразить нас, и тем или иным образом все мы поражены, разбиты со всеми нашими попытками оправдать себя в созидании или в разрушении великих человеческих позитивных ценностей. Именно об этом идет речь. Это то, что не может осуществиться, не должно осуществиться. «Ибо необходимо подчиняться не из-за гнева, но по совести». Осознавать гнев Божий только как гнев Божий было бы вечной смертью. Но «совесть» понимает окрик «стой!» обнаженного против нас меча и познает Бога в Его гневе. Она не позволяет нам воспринимать поражающее нас зло просто как препятствие и нашу участь, она напоминает нам о том, что мы сами творим зло. Совесть осознает праведность руки Божьей, поражающей нас в нашей трагической участи. Она видит «служение благу», которое должно осуществлять для нас зло. Она разъясняет нам, что суд, которому мы подлежим, существует не для нашей пользы, но для нашего спасения. Из бесправия, с которым мы сталкиваемся, она творит для нас не оправдание, но надежду. Она не позволяет нам перейти от вновь озлобляющей нас жестокости, с которой мы встречаемся, к новому сопротивлению, но объявляет окончание рокового круговорота от зла ко злу. Она возвращает нас из постоянной суеты человеческого действия и страдания к истоку, к Богу. «Поэтому необходимо подчиняться». Революция — это великая возможность желать делать то, что делает Бог. Она невозможна. Мы вынуждены спуститься вниз с высот революции. Мы должны осознать,

что наше «новое», конечно, не есть единственно новое. Мы должны вернуться к исходной точке нашего восстания, к познанию зла во всем существующем, прежде чем родился революционный человек, прежде чем возникло восстающее сознание и действие. Там наш ужас был невинным, мы ужаснулись с Богом перед воплем творения. Но мы также знали, бесконечно больше и намного острее, о надежде творения. Это был момент простейшего осознания положения человека перед Богом, идентичный «совершению добра». Но этот 1 чистый момент не был моментом во времени. Поэтому «подчинение» не есть действие. Скорее это познание, познание того, что мы не правы, не правы именно тогда, когда мы правы. В этом познании осуществляется наше обладание надеждой, надеждой грядущего мира Божьего; в ней революция и порядок будут едины.

«Поэтому вы платите налоги». Странное заключение. Вы делаете нечто более или менее добровольно: вы платите государству свои налоги. Вы должны знать, что вы делаете. Это действие полно бездействия, полно познания, полно надежды. «Они — священники Божьи, властвующие для этой единой уели». Власть имущие, чиновники, официальные представители существующего порядка — священники Божьи? Да, именно они: все их бытие, вся их власть, все их странное состояние праведности перед вами громко возвещают лишь одно: неправоту человека и как цель — мир Божий. И вы хотите разрушить этот порядок, который так отчетливо говорит об абсолютно ином порядке? Нет, «дайте им всем то, что вы должны, налог к налогу, пошлину к пошлине, страх к страху, честь — тому, кому подобает честь». Это требование банально и неинтересно: делайте то, что вы и так делаете! Оно оставляет нас «неудовлетворенными» с нашим вопросом о правоте существующего порядка и революции. Возможно, именно так оно и должно быть. По ту сторону всего интересного и великолепного, что мы можем сделать, нас ожидает она, великая негативная возможность Бога. Вероятно, мы действительно лучше всего можем продемонстрировать ее, делая (как знающие!) то, что мы и так делаем.

Великая позитивная возможность

13, 8-14

Не оставайтесь никому ничего должны, кроме взаимной любви! Ибо любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди «Не прелюбодействуй! Не убивай! Не укради!» и все остальные заповеди достигают высшей точки в этих словах: «Возлюби ближнего своего как самого себя!» Любовь не причиняет ближнему зла. Поэтому любовь есть исполнение закона. И поступайте так в познании момента (in Erkenntnis des Augenblicks): настал час пробудиться ото сна. Ибо ныне наше спасение ближе, чем тогда, когда мы уверовали. Ночь прошла, день же приблизился. Поэтому оставим дела тьмы, облечемся же в оружие света. Будем шествовать в самообладании, как если бы уже был день: Никаких пиров и попок! Никакого сладострастия и разврата!

Никаких ссор и споров! Но облекитесь в Господа Иисуса Христа и не следуйте стремлениям плоти для удовлетворения ее страстей!

«Не оставайтесь никому должны ничего, кроме взаимной любви!» «Не оставаться должными!», или, другими словами, «не сопротивляться!», «не искать решения на основе зла путем отрицания и разрушения!» – это смысл всех странных возможностей бездействия, которые мы представили как «негативные возможности» (12:16–20) и, наконец, в их совокупности, как «великую негативную возможность» (12:21–13:7). Кроме – и здесь мы снова, пробивая брешь в нашей собственной стене, возвращаемся от демонстративного бездействия к демонстративному действию, к «позитивным возможностям» (12:9–15), – кроме взаимной любви! Мы должны любить каждого человека. Отсутствие любви никоим образом нельзя обосновать тем, что мы якобы можем засвидетельствовать в царстве теней зла о грядущем мире лишь путем бездействия. Дело любви, конечно, должно осуществиться в этом царстве теней; ибо она не подлежит закону зла. Протест против течения этого мира необходимо произвести, его нельзя опустить. Мы помним: позитивно–этично то действие, которое не вписывается в «образ мира сего» (12:2), которое, будучи абсолютно скрытым в рамках этого мира, свидетельствует об инаковости Бога. Мы называем любовь «великой позитивной возможностью» на том же основании, на котором мы назвали «подчинение» «великой негативной возможностью»: речь идет снова не об отдельных актах, но о совокупности всех называемых (протестуя при этом!) «позитивными» этических возможностей, речь снова идет о смысле всеобщей этической позиции. Мы называем любовь «великой позитивной возможностью» потому, что в ней проявляется революционный смысл всей этики, ибо в ней речь действительно идет об отрицании и разрушении всего существующего. Именно она окончательно делает неправым и реакционера, несмотря на неправоту, в которой пребывает революционер. Если мы любим друг друга, то мы не можем желать сохранить существующий порядок вещей, и тогда мы творим в любви новое, низвергающее все старое. Итак, мы будем сейчас вести речь об этой бреши в стене непостижимого бездействия, о еще более непостижимом действии любви.

«Любящий другого исполнил закон». На вершине наших рассуждений об отношении человека к Богу, по ту сторону всех данных или мыслимых в качестве данных возможностей, по ту сторону «закона» и религии со всеми их требованиями, обращенными к мышлению и желанию человека, мы встретили в высшей степени загадочное понятие любви (5:5; 8:28 и т. д.; ср. 12:9) как невидимую связующую точку высшего человеческого стремления и поэтому одновременно как его радикальное изменение. Мы определили это понятие как безусловно нечеловеческий акт мышления и желания, как целесообразность по отношению к проблематике бытия, которую можно описать как психологическую предпосылку, как «излияние» духа (5:5), ту целесообразность, благодаря которой человек познает Бога, хватается и цепляется за Бога, за неведомого, скрытого

Бога как за последнее «да» в последнем «нет» всего данного жизненного содержания. Любовь — это экзистенциальное предстояние человека перед Богом: прикосновение к нему свободы Божьей и именно в этом прикосновении основание его личности, его «индивидуальности» (вероятно, мы можем так выразиться). Любовь как «непостижимый путь» (1 Кор 12:31) представляет собой вечный смысл всех наших постижимых путей, она есть осуществление их высшей вершины, осуществление религиозной человеческой возможности как возможности Бога и поэтому «исполнение закона». Но ведь мы понимаем: все эти размышления прекращены как размышления благодаря их связи с жизнью, которую мы должны прожить в ее абсолютной неповторимости и конкретности; наш разговор о Боге прерывается именно в своей высшей точке самим Богом, который как неведомый Бог уклоняется от нас и снова противопоставляет себя нам в вопросе «что нам делать?» (12:1)? Ответ: любящий другого упражняется в этой целесообразности, идет по непостижимому пути, исполнил закон. «Возлюби ближнего твоего как самого себя!» (Лев 19:18).

«Возлюби ближнего твоего!» В реальности ближнего мы наиболее ярко и полно сталкиваемся с этой непостижимой проблематикой бытия. Загадка «изначального состояния природы» ярко и полно задана нам тем фактом, что «человек противостоит человеку», этот человек — другому человеку, что каждому отдельному человеку через исключительность другого напоминают о его собственной исключительности, то есть о его сотворенности, о его потерянности, о его грехе и о его смерти. Именно здесь решается, является ли невозможная возможность Бога метафизическим призраком по ту сторону человеческих возможностей, с которыми мы постоянно сталкиваемся в ходе нашего разговора о Боге. Может быть, мы просто мечтали, утверждая психологическую предпосылку, изливание любви к Богу в наши сердца, может быть, мы выстрелили вслепую, утверждая это познание последнего «да» в последнем «нет», может быть, наше понимание Бога все же было «пониманием на расстоянии» (Кьеркегор)? Действительно ли неведомый Бог говорил с нами в Иисусе Христе, является ли прикосновение свободы Божьей, основание индивидуальности, вступление на «неведомый путь» экзистенциальным событием? Именно здесь решается, знаем ли и любим ли мы Его, неведомого Бога, в неизвестности «ближнего», в полной, обобщающей все загадки бытия и требующей нашего участия инаковости другого, слышим ли мы в нем голос Единого. Мы помним, что любовь к Богу осуществляется именно тогда, когда мы так остро встречаем противостоящее нам в проблематике бытия невидимое «ты», что мы неминуемо сталкиваемся с вопросом «кто же я?», познаем именно в этом вопросе ответ на него и можем лишь признать превышающее всякое мышление единство нашего я, полностью поставленного под вопрос, с этим противостоящим ты. Это вопрошающее и отвечающее «ты», очевидно, мы встречаем наиболее ясно и полно в проблематике «попавшего в руки разбойников» ближнего. Если я не слышу вопроса и ответа, если я слышу здесь только

голос другого, но не слышу в голосе другого голос Единого, то я действительно вообще не слышу его.

Итак, «возлюби ближнего твоего как самого себя» Ближний — это всегда невидимо скрытый тот другой, по отношению к которому я не могу быть и оставаться другим, тот, кого я должен любить «как самого себя», поскольку я люблю Бога. Во Христе, который есть переход от вопроса к ответу, от «нет» к «да», от суда к праведности, от смерти к жизни, я не только един с Богом, но (поскольку един с Богом!) един и с ближним. Любовь — это «духовная связь» с ближним (Кьеркегор), то есть созданная обращенным ко мне вопросом и данным мне ответом этого противостоящего «ты» (духа!) связь единения (сообщества, *communio*) с ближним, поскольку я един (в сообществе, *communio*) с Богом. «Кто мой ближний?» — спрашивает книжник и получает ответ (он сам, не желая того, вынужден ответить так!): оказавший милость попавшему в руки разбойников. «Иди и поступай также!», будь сам ближним, и все вопросы прекратятся (Лк 10:29,30-37). Ближний, познанный как ответ на вопрос «кто же я?», познанный как Единый, который есть «ты», «я» и «он», — это приведение в действие и осуществление любви к Богу, которого мы не видим.

Итак, «возлюби ближнего твоего!». Любовь — это основанная (и поэтому прерванная!) через познание Бога во Христе связь с ближним, та связь, в которой не человек находится перед лицом человека, но Бог перед лицом Бога. Пребываем ли мы здесь в состоянии мира или борьбы, испытываем ли то, что мы называем «любовью», или нечто более горькое и жесткое, это уже другой вопрос (12:9). Однако любовь — это всегда открытие Единого в другом, причем в том и этом, в любом другом. Она полностью связана со своим предметом (с «ближним!»), ибо она абсолютно независимо противостоит ему. Она видит в каждом «ближнем» лишь образ Того, Кого нужно любить, но она действительно видит, и она видит в каждом ближнем Того, Кого заповедано любить, она видит и слышит в каждом временном «ты» противостоящее вечное «Ты», без которого не существует «я» (12:3б-6а). Это — любовь к определенному, конкретному человеку именно потому, что она не имеет ничего общего с предпочтением того или иного человека. Она — любовь к ближнему в его неприятных, странных, особенных сотворенности и состоянии именно потому, что она тайно подтачивает и ослабляет эту сотворенность и это состояние, чтобы они упали с его плеч подобно одежде (Кьеркегор). Она — это «уравновешивающая вечная праведность» (Кьеркегор), причем именно потому, что она не «оправдывает» никого по его желанию. Любовь созидает общину именно путем того, что она ищет лишь общности. Она не ожидает ничего, она уже у цели. Она ничего не ищет, она уже нашла. Она ничего не желает, она уже совершила. Она не спрашивает, она уже знает. Она не воюет, она уже победила. Она не есть вечно страстный эрос, она — никогда не прекращающаяся агапе.

Но именно поэтому: «Возлюби ближнего твоего!» Необходимо четко понять, что как действие нового человека любовь — это обязанность, и как обязанность она не подвержена действию всего произвольного, любых разочарований и злоупотреблений. Все божественные повеления «не делай» («не прелюбодействуй, не убивай, не укради, не возжелай», Исх 20:13-17; Втор 5:17) «достигают высшей точки» в этом «делай!». Изгнанный из всего действия в бездействии (к Богу) человек здесь (из Бога) снова стремится к действию, он — повергнутый на землю, но вновь встающий, грешник, становящийся праведным, умерший, который оживает. В этом «делай!» проявляется блистающий меч смерти и вечности. Именно поэтому любовь — это совершенно новое действие, то действие, которое есть смысл и исполнение всего бездействия, тот воздух, которым мы можем дышать, если мы действительно задыхаемся в сфере зла.

«Любовь не причиняет ближнему зла!» Она тем самым есть «совершение добра», которым побеждается зло (12:21), отрицается и разрушается все существующее, поскольку это не произошло в результате мятежа. Новое, своеобразное качество любви заключается в том, что она не участвует в круговороте движения от зла ко злу, от реакции — к революции. Она — это радикальный переворот всего данного, ибо она есть радикальное признание предзаданности во всем данном. Она свергает всех идолов путем того, что она не воздвигает новых. Она — это окончание всего богоподобия, всякой иерархии, посредственности, авторитета, потому что она всегда недвусмысленно обращается к Единому в каждом отдельном человеке и во «многих». Любовь не противоречит, поэтому ее нельзя опровергнуть. Она не воюет, поэтому ее нельзя победить. Она не ищет никакого решения, поэтому она сама и есть решение. В рамках сферы зла она может быть описана только с помощью отрицания (1 Кор 13!); именно поэтому она — абсолютно превосходящее эту сферу действие. Невозможность совершения в рамках этой сферы (единственной известной нам!) добра не освобождает меня от обязанности любить. Если я прекращаю любить, протестуя тем самым против течения этого мира, то я не люблю и Бога. В этом случае не принесена никакая жертва, не обновлено никакое мышление (12:2). Настолько настоятельна, настолько неизбежна и серьезна заповедь любви! «Поэтому любовь — исполнение закона».

«И поступайте так в познании момента!» Когда и где осуществляется непостижимое действие любви, в которой человек, изгнанный от загадки ближнего назад к Богу, снова отходит от Бога, чтобы найти самого себя в ближнем? Когда и где наступает невозможная возможность исполнения закона? Мы не имеем права сократить дистанцию, если мы хотим пристально взглянуть на проблему, поставленную перед нами необходимостью этого действия. Неслышанному значению этого действия должен соответствовать неслышанный повод. Мы отвечаем: если мы осознаем, что время становится вечностью, а вечность — этим временем, то наступает такая возможность. Она наступает «в познании мо-

мента». Это «момент» между времен, который сам не есть момент во времени. Однако каждый момент во времени может получить полноту достоинства этого момента. Этот момент - вечный момент, то «ныне», в котором остановилось прошлое и будущее, первое – в своем уходе, второе – в своем приближении. Время выдает свою тайну: не оно приходит и уходит, но тот человек, который был в Боге и будет в Нем, умирает и живет, падает и встает, есть тот, кто он есть, и есть тот, кто он не есть, сотворенный как тот или иной человек и вновь сотворенный как Единый, как индивидуум в своей абсолютной неповторимости и общедоступности: всегда первый и второй, причем второй в преодолении первого, то есть во Христе, в невидимом изменении времени. «Мы стремимся и шествуем из года в год»*) – это тайна времени, открывшаяся в этом вечном моменте, который существует всегда и никогда, в моменте откровения. Категоричное удаление прошлого, неудержимое приближение будущего – это образ необратимости времени. Но это и образ абсолютной скрытости, невидимости и неданности настоящего «между» временами. Каждый момент времени есть двойственный образ вечного момента. Каждый момент несет в себе нерожденную тайну откровения, каждый может стать характерным моментом. «Поступайте так в познании момента». Итак, в познанном, осознанном и постигнутом в своей трансцендентной значимости моменте осуществляется непостижимое дело любви. Там, где предшествующее или последующее невидимо характеризуется находящимся в центре «ныне!» откровения, там оно становится событием, «жизнью и царством любви» (Кьеркегор). Вера, видящая откровение, есть исполнение закона. Это человеческое дело есть дело, происходящее из высшей воли. Человек, к которому прикоснулась свобода Бога, – это любящий человек. Это окончательное и центральное возвращение из времени в вечность, эта возможная лишь путем чуда связь с вечностью всегда находятся под вопросом, если любовь как великая позитивная возможность становится заповедью. Всегда лишь в познании момента мы можем делать то, что мы делаем, и поэтому никогда не можем сказать, что мы «уже сделали» это; ибо что в этом познании «уже сделано»? Мы можем делать то, что мы делаем, всегда лишь указывая на преодоление, которое произошло, происходит и будет происходить во Христе, всегда лишь принимая во внимание рождение индивидуума из индивидуальности, всегда лишь в ожидании конца (мира времени, вещей и человека), который есть начало. Именно потому, что любовь так непреклонно сохраняет дистанцию, так непреклонно указывает из всего уже сделанного, из самой себя на конец, который есть начало, она не творит зла ближнему, она есть исполнение закона (всего «не делай!»). Она вступает в сферу зла для того, чтобы сразу же вновь ее покинуть. Она не строит здесь хижин. Она принципиально не желает создавать во времени ничего постоянного, ничего «существующего». Лишь в познании вечного момента она делает то, что делает, и именно поэтому она – собственно революционное действие.

*) Строка из новогоднего гимна Поля Герхарда (Paul Gerhardt). – *Прим. пер.*

«Настал час пробудиться ото сна. Ибо ныне наше спасение ближе, чем тогда, когда мы уверовали. Ночь прошла, день же приблизился». Вечный момент несравним со всеми моментами именно потому, что он есть трансцендентный смысл всех моментов. «Спасение», «день», Царство Божье несравнимы со всеми временами именно потому, что они — это исполнение всех времен. Мы же живем в ряду моментов, в изменении времени; если мы не любим здесь, то мы не любим вообще. Не где-то вне, но в рамках этого ряда, в рамках этого изменения Иисус был Христом, именно здесь для нас возможно познание вечного момента и в этом познании — место, время, повод для любви. В каком-то моменте должно осуществиться познание единственного момента, во времени — возвращение к вечности. Этот момент, это время — «час восстать от сна», все предшествующее и последующее, характеризующее невидимо находящимся в центре «ныне!». Не каждое время, не каждый момент есть этот час. Никакое время не таково само по себе. Невидимо находящееся в центре «ныне!» чуждо, несоизмеримо, непрístupно противостоит любому времени, в том числе и тому времени, «когда мы уверовали» (3:28). Вера не может стать данностью, вещью, которая некогда начала существовать и впоследствии продолжает это свое существование. Она есть начало, чудо, творение в каждый момент времени, в том числе и по отношению к любому верующему бытию. То, что должно было стать данностью, относится, даже если оно называется «верой», к неохарактеризованному времени «сна». Нет веры, которой не следовало бы напоминать об откровении, нет действия, которому не следовало бы напоминать о необходимом знании, нет человека, которому не следовало бы напоминать о свободе Божьей. Если такое напоминание «еще не» произошло (но разве оно когда-нибудь «уже» произошло?), то человек спит, в том числе спит и апостол, и святой, и любящий человек. Он находится под властью времени. Подобно гальке он лежит на дне «потока времени», непрерывно двигающиеся и меняющиеся волны которого проносятся над ним. Он не ужаснулся своего действия в бездействии, и он не прорывается из своего бездействия в действие. Он всегда делает то, что он не должен делать, и он всегда не делает того, что он должен делать. Итак, время еще только должно стать охарактеризованным временем, временем обращения и наступления, временем этически негативных и этически позитивных возможностей. Поэтому в вечном моменте, чуждом всем временам, существуют различные времена, существуют времена близости и времена удаленности, времена ночи и времена рассвета, времена сна и времена пробуждения, поэтому существует не только вечное, но хронологически охарактеризованное слово: «сегодня, сегодня вы слышите Его голос, так что не ожесточайте сердца ваших!», и его противоположность: дни, «в которых слово Божье было редко и мало было прорицаний» (1 Цар 3:1). «Теперь наше спасение ближе, чем тогда, когда мы уверовали». Всегда существует эта напряженность между «тогда» нашего спокойного бытия и «ныне» назойливого напоминания о нашем не-бытии, всегда существует напряженность между временами

«уже» происшедшего откровения, «уже» совершенных дел, «уже» познанного Бога и временами воспоминания, ожидания и созерцания экзистенциального осуществления лишь мнимо «уже» существующего, вечного момента явления, парусин, присутствия Иисуса Христа. Эта напряженность между временами не имеет ничего общего с хорошо известными нам девятнадцатью столетиями церковной истории, которые, как известно, «еще не» принесли собой парусию. Она не имеет ничего общего с теми неделями или месяцами, которые Послание к Римлянам находилось в пути в багаже Фивы (16:1), между Коринфом и Римом, или с теми секундами, которые протекали между диктовкой Павла и записью Тертия (16:22). Ибо час пробуждения, «последний» час, удар которого здесь возвещается, в действительности не означает, что под временем исполнения в нем подразумевается еще один час, следующее за ним (хронологическое!) время. Разве жизнь, происходящая из смерти, уничтожающее все бытие не-бытие, праведность осужденного, «ныне!» в центре всего предшествующего и последующего могут заполнить какое-то время рядом с этим временем (но и снова в нем!)? Время — это времена незнания и времена напоминания, когда всем людям заповедано творить покаяние. Находящееся над всем этим не есть время, но вечность. Нет, именно на границе всего времени, перед нависающей стеной Бога, означающей уничтожение всего времени и всего содержания времени, находится человек «последнего» часа, человек, ожидающий парусию Иисуса Христа. Он находится перед тем днем и теми часами, которых не знает никто, даже ангелы небесные, даже Сын, только Отец (Мк 12:32). Разве это никому не режет слух? Не следует ли прекратить ненужные разговоры о «не наступившей» парусин? Как может вообще «не наступить» то, что, согласно определению, вообще не может «наступить»? Возвещенный в Новом Завете конец — это не временное событие, не фантастический «конец света», он абсолютно не связан с какими-то историческими, земными или космическими катастрофами, но такой действительный конец, что девятнадцать столетий означают ничтожно мало, даже ничто (это касается его близости или удаленности), такой действительный конец, что уже Авраам видел этот день и возрадовался. Разве мы можем обесценить эту вечную истину до уровня временной действительности (поскольку о ней можно говорить только в притчах), или, поняв, что здесь каждое слово может быть только притчей, успокоиться на этом «только»? Разве мы можем сделать Бога идолом и на основании этого, на основании нашей собственной недооценки Его действительности так цинично не принимать Его всерьез? Разве мы можем превратить ожидание конца, того момента, когда живые, преобразившись, и мертвые, воскреснув, будут вместе стоять перед Богом (1 Кор 15:51-52) в ожидании грубого, жестокого, театрального спектакля и, если этот конец с полным правом «не наступает», снова ложиться в постель утешенными? Разве мы можем сделать из всего этого безобидную «эсхатологическую» главку в конце догматики в качестве нашего единственного напоминания о том, что мы, собственно, должны

и хотим напомнить себе! «Задерживается» не парусин, но наше пробуждение. Если мы пробудились, если мы вспомнили, если мы совершили шаг от неохарактеризованного времени в охарактеризованное, если мы ужаснулись того факта, что мы, желая или не желая, действительно в каждый момент времени находимся на границе всего времени, если мы, находясь на этой границе, рискнули любить Неведомого, познать и принять в конце начало, то мы действительно не будем ожидать вместе с любопытной толпой какого-то блестящего или ужасного финала, как и не будем в слишком фривольном «благочестии» непоколебимых «культурных протестантов»*) утешаться отсутствием этого финала. В этом случае мы не будем постыдно избегать как с одними, так и с другими горькой серьезности «приблизившегося» дня, но именно в том, что вечный момент не «наступает» (никогда не наступил и никогда не наступит), сможем познать достоинство и значение данного нам временного момента, его характеристику и его этическую заповедь. В этом случае мы будем ожидать парусию или, иными словами, будем серьезно воспринимать наше действительное жизненное положение таковым, каково оно есть, будем познавать Иисуса Христа как Начинающего и Завершающего. Тогда мы не откажемся творить покаяние, думать иначе, мыслить мысль вечности и поэтому любить. Но без познания момента этого не произойдет. Без этого познания нет любви.

Действовать, «как если бы уже был день», то есть познавая нынешний момент, взирая на невидимый центр всего предшествующего и последующего нашему жизненному дню, любить, ибо мы возлюблены во Христе, — это есть сумма и основание великой позитивной возможности и с ней — основание всех этических возможностей. Слишком близкое Царство Божье, нависающая стена вечности (видимая в каждом камне, в каждом цветке, в каждом человеческом лице!), граница времени (*Memento mori!* лат. Помни о смерти! — *Прим. пер.*), «настоящее» Иисуса Христа как изменение времен слишком угнетают нас, чтобы они могли не затронуть прямую, данную, определенную биосом, эросом, пафосом линию человеческого действия. Она нарушена. Образ этого мира преграждает, и приходит Царство Божье. Любовь и происходящее из любви свидетельствуют об уничтожении первого и о возникновении второго.

«Оставим дела тьмы! Никаких пиров и попок! Никакого сладострастия и разврата! Никаких ссор и споров! Не следуйте стремлениям плоти!» Эти слова обращены к «возлюбленным Божиим в Риме, призванным к святости» (1:7)! Но разве не очевидно, что и мы находимся в царстве Карамазовых, где такие возможности принимаются во внимание? То, что мы называем «царством Божиим» и это царство, кажется, представляют собой круги, перекрывающиеся в значительном объеме. Если здесь

*) Культурный протестантизм (*Kultur protestantismus*) — движение в немецком протестантизме (кон. XIX — нач. XX в.), стремившееся к созданию новой национальной культуры, в которой высшие культурные достижения человечества гармонично соединялись бы с воззрениями христианства. — *Прим. пер.*

происходит недвусмысленное разделение, «оставление дел тьмы», тогда должно произойти и последнее разделение, разделение «в познании момента». Можно сказать только то, что данная линия человеческого действия нигде и никогда не прервана, «стремление плоти» не преобразилось в благочестивых людях и чадах мира сего, ни на секунду не разорвана нить времени, не возникла недвусмысленная, непосредственно видимая святость человека. Мир — это мир, человек — это человек.

Спорна, всегда спорна не только его утонченная, но и его обычная мораль. И у святых принимаются во внимание карамазовские возможности. Но («в познании момента!»): с точки зрения Бога человек так спорен, так невозможен, так сумасброден. Разве он может удивляться тому, что он снова и снова оказывается на самом краю пропасти, оказывается так глубоко вовлеченным в плачевную сомнительность бытия? Что такое человек, чтобы Ты вспомнил о нем? Но как ему существовать в животных глубинах, если он более не может существовать на моральных высотах человечества? Разве загадку жизни проще разрешить «внизу», чем «наверху»? Почему человек бежит от Единого, от любви? Весь человек атакован Богом. Лишая дыхания, Царство Божье тяготит его на всех его позициях, во всех его страстях. Великое смятение более нельзя отменить, оно поражает святых и грешников. У нас никогда не будет возможности уклониться от этой атаки, мы должны освободить Богу пространство на всей этой линии. И любовь есть исполнение закона.

Поэтому: «Облечемся в оружие света: будем шествовать в самообладании! Облекитесь в Господа Иисуса Христа!» К тем же самым людям обращены в качестве антитезы эти слова! То есть мы все же находимся в числе возлюбленных Богом? Да, и это верно. Для них существуют и эти возможности, небесные, вечные возможности, для них существует великая позитивная возможность «переоблачиться» в оружие защиты и отпора против зла, которое может дать только Бог, в самого Господа Иисуса Христа. Кто может исключить хотя бы одного из них «в познании момента»? И кто может здесь исключить самого себя?